

ЁЛКА

РАССКАЗ

Сергей АВИЛОВ

Сергей Юрьевич родился в 1979 году в Ленинграде. Окончил среднюю школу, поступил в Гидрометеорологический институт. Ушёл с 3-го курса.

Автор пяти книг прозы. Входил в лонг-лист премий «Ясная Поляна» и «Большая книга». Финалист премии «Национальный бестселлер». Живёт в Санкт-Петербурге. Воспитывает сына.

Что-то много она ему давала в последнее время, Света. Деньги, на которые они жили, тело, которое он отвергал, поворачиваясь к ней в постели спиной, тепло, которое он перестал замечать.

Миша сидел к ней спиной, близоруко склонившись к экрану компьютера. Спина привычно сутулилась. Поношенная домашняя футболка, потерявшая белизну, скульптурно облепляла каждый Мишин позвонок.

«Как он похудел», — отвлечённо подумала Света и тихо произнесла:

— Ну я пошла?

Миша повернул голову, укрупнённые линзами глаза его смотрели из-под очков как будто с непониманием.

— Давай.

Она защёлкнула за собой замок, выходя на пахнущую пыльным теплом батарей лестницу. Освещение равнодушно моргало, и на лестнице было пусто.

Что-то много она ему давала в последнее время, Света. Деньги, на которые они жили, тело, которое он отвергал, поворачиваясь к ней в постели спиной, тепло, которое он перестал замечать. А ведь не так давно гладил её по голове, заплетая ей по утрам волосы в косички... И не нужны были ей эти косички, могла бы обойтись и без косичек, но принимала косички как форму внимания. Теперь ему надо было дать ёлку.

На ёлку у Светы была робкая надежда.

Света спустилась по ступенькам, распахнула дверь, выходя в синие холодные сумерки. Ветер гонял снежную крупу в разные стороны, повинуюсь каким-то своим, непонятым законам.

На снегу возле подъезда, блестящие в свете фонаря, валялись яркие апельсиновые корки. Их хотелось нарисовать.

Света долго прикуривала на ветру, щёлкая зажигалкой. Затянувшись, выдохнула дым. Дым тотчас снесло в сторону, и он, смешавшись со снежинками, стал незаметен. До Нового года оставалось чуть больше суток.

Надо было доехать ещё до этой ёлки. Сперва пройти два квартала до автобусной остановки, дождавшись транспорт, добраться до ближайшей станции метро, где бородатые южные люди с хитрыми глазами и непривычным для Петербурга акцентом творили свой маленький бизнес, измеряя деревянной рейкой лесных красавиц, путая цифры и получая из озябших рук деньги.

В автобусе было тепло. Света мимоходом вспомнила, как было тепло два с лишним года назад в Калининграде, когда они спустя час полёта спускались по трапу, прибыв из дождливого и неприветливого города на Неве. И в Астрахани было тепло, когда на местном базаре им улыбались красноротые арбузы с разрезом от уха до уха. Это было, когда Миша ещё заплетал ей косички. И им вместе было жалко больших металлических рыб, лежавших на прилавках и обречённо шевеливших жабрами.

В автобусе было тепло, и только когда он бесшумно открывал двери, поглощая пассажиров, вместе с пассажирами в автобусную пасть попадали снежинки. Света заметила, что совсем стемнело.

Площадь возле метро искрилась, как огромная карусель. Света спрыгнула с подножки на утоптаный, обледеневший снег. Из киоска неподалёку доносилась глупая песенка, как ни странно создававшая здесь дополнительное ощущение праздника. Жёлтым светился купол метрополитена, и вдоль ведущей к нему дорожки стояли палатки, тоже светившиеся изнутри. Палатки были наполнены колбасными изделиями, новогодними игрушками и сувенирами. От запаха колбасы Света вдруг вспомнила, что проголодалась, и закурила ещё сигарету.

Мёртвые ёлки были свалены как попало в загоне из досок. Ёлок было не так много, чтобы выбирать их не торопясь, придирчиво осматривая каждую ветку. Наверное, все лучшие ёлки нашли своих хозяев днём или двумя раньше. Повелитель ёлочного базара остро глянул на Свету и коротко произнёс:

— Выбирай.

Казалось, что следующим ходом он достанет из-под полубка ятаган.

Мёртвые ёлки были свалены как попало в загоне из досок. Ёлок было не так много, чтобы выбирать их не торопясь, придирчиво осматривая каждую ветку. Наверное, все лучшие ёлки нашли своих хозяев днём или двумя раньше.

Света вступила в загон, освещённый бегающими лампочками, как арена крошечного цирка. Ноги в демисезонных ботах, согревшиеся в автобусе, снова начали подмерзать. Да и выужный ветер не хотел униматься.

Ёлки были колючие, она почему-то не подумала об этом, когда выходила из дома, не прихватив с собой варежек. Стволы мёртвых ёлок были к тому же холодные и, смоляные, неприятно липли к замёрзшим рукам.

— Выбирай, — повторил продавец, вставая с деревянного ящика, на котором сидел, и сделал несколько шагов в сторону Светы. С его приближением ей захотелось выбрать как можно быстрее. Она дотронулась до покачивающейся лапы одной из елей и тихо произнесла:

— Вот эту.

Кавказец привычным и бесцеремонным жестом потянул ёлку на себя, встряхнул её, стукнув черенком оземь. Лапа в большой рукавице уверенно жала нежную ёлочную талию. Он сверху вниз поглядел на маленькую замёрзшую Свету, молча приставил к ёлке судьбоносную рейку:

— Два мэтра. Две тысячи рублей.

Два метра Свете было много, два метра было много больше её роста, но вот были грубый кавказец, ветер и снег... Много стало вдруг огней и людей. И ещё был Миша, который должен обрадоваться ёлке, в которой заключены два метра и две тысячи рублей.

Света достала из кармана пальто деньги.

Продавец ловко в несколько витков обернул покойницу верёвкой, лихо смиряя буйство пушистых лап, ещё раз стукнул ёлку о снег и протянул её Свете.

Два метра было много, это она поняла сразу. Остро пахнувшая, даже связанная, ель всё равно оказалась толстой, упругой и очень колючей. Света схватила покупку в охапку и медленно двинулась к остановке автобуса. Если бы не Миша, она бы начала злиться.

Из киоска доносилась всё та же глупая песенка. Вульгарный запах колбасы щекотал ноздри, отчего в желудке чувствовалась ноющая пустота. Ещё было не закурить, но с этим можно было подождать.

Только подойдя к остановке, Света увидела толпившийся на ней народ. Даже в канун праздника час пик оставался часом пик. Ещё была организованная очередь на автобусик-маршрутку, но с такой габаритной и непокорной поклажей становиться в организованный хвост было бессмысленно. Света подволокла ёлку к остановочному навесу и, облокотив двухметровую ношу о грязное стекло, наконец закурила.

Из множества автомобильных огней, как корабль среди лодок, подплыл автобус. Света равнодушно курила, ветер сдувал пепел с сигареты, курить было невкусно. Человеческая толпа принялась лениво, но массово протискиваться внутрь.

Много стало вдруг огней и людей. И ещё был Миша, который должен обрадоваться ёлке, в которой заключены два метра и две тысячи рублей.

Когда двери закрылись, Света даже не шелохнулась, тем более что людей на остановке стало значительно меньше. Нужно было готовиться к рывку заранее. Она выкинула сигарету, не замечая, что та уже начала жечь ей пальцы, и, обнимая пахнущую лесом красавицу, продвинулась в первые ряды ожидающих. Ветер окреп и дул толчками, ловко попадая снежинками в Светины глаза. В ней было ещё много злости и решимости, но безжалостный снег выбивал только слёзы из глаз. Сзади уже напирали. Час пик для красавиц обычных, волокущих поклажу выше себя ростом, — не указ. Свете сделалось страшно оттого, что алчущая тепла и света толпа просто сомнёт её своей незлой в принципе массой. Особенно преуспевала в теснении девушки группка студентиков, совсем мальчишек, беззлобно огрызающихся друг на друга пошловатыми шуточками. Они-то и внесли наконец Свету в нужный ей транспорт так, что она не почувствовала ног под собой и ёлкой.

Они ехали тесно, как новогодние кильки едут на новогодние столы в своих банках, так думалось Свете, хотя кильки на новогоднем столе — весьма сомнительное угощение. Света держала свою покупку так, будто обнимала дорогого и любимого ей человека. Автобус покачивал своим тёплым чревом, всё так же кусали друг друга студентики, Света стояла, почти довольная своим положением, когда верёвка, связывающая члены непокорной ели, лопнула где-то внизу. Сперва её больно хлестнуло по щеке, словно конским хвостом с запутавшимися в нём репьями. Стегнуло так, что щеке стало так же колко, как от сильного мороза. И уже потом ёлка с облегчением, величественно стала расправлять свои лапы.

Света стала мешать сразу всем. Скорее, даже не она: кому может помешать худенькая девочка метр шестьдесят ростом? Мешать всем стала новогодняя ёлка. Свету ругали все — по-разному, но злобно. К тому же досталось не одной ей, досталось удобно сидевшей гражданке, которую разбушевавшаяся красотка ловко огрела по лицу. Гражданка молча приложила платок к пострадавшей части головы и только едко произнесла:

— Связывать надо.

Света от неожиданности и боли не сразу поняла, кого связывать. Может быть, гражданка резонно предлагала связать её, Свету, и тащить на костёр.

Света упорно переносила удары ёлки, локтей и самой судьбы, тихо и твёрдо извиняясь и потирая нижними зубами губу, которой тоже досталось.

Приближалась её остановка. Да и людей поуменилось. Наконец она грубо вытолкнула ёлку на снег черенком вперёд. Некоторые лапы ёлки висели беспомощно, как у пациентов травматологии.

Ветер лютовал, лихо замечая редкие отпечатки обуви на снегу. На улице за все два квартала ей не повстречался ни

Час пик для красавиц обычных, волокущих поклажу выше себя ростом, — не указ. Свете сделалось страшно оттого, что алчущая тепла и света толпа просто сомнёт её своей незлой в принципе массой.

И ей почему-то вспомнились яркие мандариновые корки на снегу. Рисовать их больше Свете не хотелось...

один человек. Она сжала зубы, как связист на войне, удерживающий ими два конца провода. Кое-где она тащила ёлку волоком, взяв её за черенок. Ёлка оставляла за собой длинный неясный след. До парадной оставалось совсем чуть-чуть.

Фонари возле её дома казались тёплыми. Она прислонила ёлку к стене, не чувствуя пальцев, достала ключи. Долго поднималась по лестнице, останавливаясь, чтобы перевести дух, и чувствуя, как с её волос и бровей капает ей на лицо... Открыв дверь в квартиру, ввалила в неё ёлку, к концу путешествия ставшую корабельной сосной.

В квартире было совсем тепло и тихо. Света посмотрела на себя в зеркало. Вся левая щека была как будто в мелких комариных укусах. На верхней губе лаконично темнела запёкшаяся кровь.

Пышная, похожая на убежавшее тесто, из кухни вдруг показалась свекровь. Она вытирала о передник красные руки и при этом что-то жевала.

— Что, Светочка, прихорашиваешься? А Миша куда-то ушёл с друзьями, сказал, что будет поздно.

И вот только тут Света заплакала. И ей почему-то вспомнились яркие мандариновые корки на снегу. Рисовать их больше Свете не хотелось...